

Спустя несколько месяцев после того, как я переехала в дом Ань Юнь, моя жизнь немного устоялась, но я по-прежнему словно тень бесшумно передвигалась по каждому уголку, не смея издавать лишних звуков и навлекать на себя неприятности.

Школа никогда не была для меня безопасным местом. Даже когда я изо всех сил старалась оставаться тихой и привлекать как можно меньше внимания, мои оценки и внешность всё равно приковывали к себе чужие взгляды. Перешёптывания за соседней партой и насмешки за спиной вонзались в сердце маленькими иглами.

Я привыкла ходить, опустив голову, привыкла молчать в ответ и привыкла подавлять зарождающееся в глубине души стремление к теплу.

А она — Ань Юнь — неизменно появлялась именно тогда, когда была мне нужнее всего.

Впервые я встретила её в школе, у спортивной площадки, рядом с библиотекой.

Она сидела в дальнем углу, распустив длинные чёрные волосы, её взгляд по-прежнему оставался холодным и сосредоточенным, а в руках она держала толстую книгу. Я едва не опустила голову, чтобы ускользнуть из поля её зрения, но она лишь слегка приподняла веки и спокойно посмотрела на меня. В тот миг моё сердце пропустило удар.

Она не подошла и ничего не сказала, просто тихо наблюдала за мной.

И всё же я чувствовала, как её взгляд служит защитным барьером, отгораживающим меня от окружающих насмешек, сплетен и одиночества.

Я знала, что она заметила меня: моё одиночество, мою дрожь, мою усталость — она видела абсолютно всё.

В тот день, присев рядом со мной чуть позже, она негромко спросила:

— Ты в порядке?

Я ничего не ответила, но она и не торопила, просто положила книгу на мой стол, дожидаясь, пока я заговорю сама.

Её присутствие излучало такое непоколебимое спокойствие, что я не решалась смотреть ей в глаза и не смела ответить, лишь молча опустив голову.

День за днём я начинала замечать каждое её маленькое проявление заботы обо мне:

- Каждый раз после урока она стряхивала дождевые капли с моего рюкзака и попутно аккуратно складывала мои учебники;
- Каждый раз, когда у меня замерзали руки, она находила мазь или грелку и незаметно клала их на край моего стола;
- Каждый раз, когда я погружалась в молчание, опустив голову, она садилась напротив и одним лишь взглядом возвращала мне душевное равновесие.

Она сильно уставала, я это видела.

Иногда её брови на несколько секунд хмурились, а пальцы едва заметно дрожали, но говорила она по-прежнему ровно, а тон оставался отстранённым.

Но этот её холод согревал сильнее любых слов.

Я была влюблена в неё тайком, но не смела признаться и не решалась долго оглядываться назад.

Каждый раз, когда мне хотелось стать ближе, её взгляд одновременно манил меня и пугал — словно зимний ледяной свет, слепящий, но притягательный.

В тот день я украдкой наблюдала за ней в библиотеке: она склонила голову над записями, изредка поднимая глаза, чтобы оглядеть помещение. Я смотрела на её профиль, и в груди поднималась горькая истома — это чувство было слишком тяжёлым, я боялась, что она услышит даже моё дыхание.

Но она вдруг протянула руку и подвинула мою книгу в безопасное место, произнеся спокойным голосом:

— Не отвлекайся.

Внутри у меня всё сжалось, а в уголках глаз зашипало. Она ничего больше не сказала, но я знала — она следит за мной. Всегда следила.

После занятий она проводила меня до дома.

Я собиралась незаметно ускользнуть, но она перехватила мою руку и мягко сжала её — уверенно и крепко.

— Не ходи тут одна, на улице холодно.

Её рука была тёплой, но она не пыталась меня обнять или проявить излишнюю нежность — она просто и надёжно защищала меня, находясь рядом.

Я опустила голову: ладони оставались ледяными, но сердце тихонько пылало.

Однажды в классе одноклассники начали цепляться ко мне, несколько человек окружили меня, тыча пальцами и бросая едкие слова. Как и прежде, я съёжилась, стараясь казаться как можно меньше, а в глазах стояли слёзы.

Она появилась — словно сошедший с небес холодный лунный свет, — встав рядом со мной со строгим и непреклонным выражением лица.

— Довольно, — равнодушно бросила она, и в её голосе звучало нечто не терпящее возражений.

Обидчики опешили и в конце концов отступили.

Я опустила голову, не смея заглянуть ей в глаза, но на душе разлилось невиданное доселе чувство покоя.

За эти дни я постепенно заметила, что она запоминала каждую мелочь, которая мне нравилась:

Манга, аниме, новеллы, фильмы и даже концерты кумиров — она во всём составляла мне компанию и даже могла обсуждать со мной мельчайшие детали.

Стоило мне почувствовать холод в руках, как она тут же это замечала; любые малейшие перемены в моём самочувствии по возвращении домой ускользали от её внимания.

Иногда я тайком думала: если однажды у меня хватит смелости подойти ближе, смогу ли я открыться ей?

Но стоило мне взглянуть на её невозмутимое лицо, как я снова отступала.

Казалось, она давным-давно догадывалась о моих чувствах, но делала вид, будто ничего не замечает, оберегая меня лишь своими поступками.

Это ощущение ранило сильнее любых слов и в то же время затягивало всё глубже, не оставляя мне шанса на спасение.

После занятий она провожала меня до самой двери, её длинные чёрные волосы едва заметно мерцали в лучах заходящего солнца, и, глядя на меня, она ровным голосом произносила:

— Смотри не простудись.

Я лишь кивала в ответ, опускала голову и скрывалась в своей комнате.

В тот момент я тихонько говорила себе:

— Она — единственная, кто меня понимает, и самый яркий свет в моём сердце.

Ночью, лёжа в постели, я всё ещё ощущала кончиками пальцев тепло тыльной стороны её белой ладони.

Я закрывала глаза, представляя, что она рядом — надёжно защищает меня, даже когда я молчу, и никогда не уходит.

В этот день я в очередной раз убедилась:

Я безответно влюблена в неё, и это не прекратится, а она по-прежнему молча охраняет меня посреди моей жизни.

<http://bllate.org/book/24905/2947366>